

ПОСОЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В БЕРЛИНЕ О СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ В ГЕРМАНИИ В 1890—1898 годах. ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Матвеева Анна Геннадьевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: annagmatveeva@yandex.ru

Researcher ID: AAS-6783-2020;

ORCID: 0000-0003-3870-732X

Аннотация. Использование дипломатических документов, хранящихся в Архиве внешней политики Российской империи, для изучения внутренней политики Германии ставит перед исследователем несколько основных вопросов. Во-первых, кем были авторы депеш в Петербург, определяла ли личность посла содержание депеш, которые он направлял в министерство. Во-вторых, насколько репрезентативным источником можно считать эти депеши, и, в-третьих, какие вопросы внутренней жизни страны волновали российских дипломатов больше всего. В процессе работы в архиве МИД выяснилось, что в первую очередь российских представителей интересовало социалистическое движение и деятельность Социал-демократической партии Германии. Упоминания социалистов всегда связаны с несколькими информационными поводами — отменой Закона против социалистов и проведением в Берлине Конференции по охране труда рабочих в 1890 г.; выборами в рейхстаг в 1893 и в 1898 гг.; голосованием в рейхстаге по важным для России вопросам; обсуждением императором и правительством мер по противодействию социалистам. Проведенное исследование архивных документов за 1890—1898 гг. позволяет сделать следующие выводы. Депеши вполне точно отражают основные тенденции развития социалистического движения и тактики СДПГ, поэтому их вполне возможно использовать при изучении этой, а также ряда других внутриполитических проблем развития Германии. Вопрос развития социал-демократического движения по праву трактовался нашими представителями как один из основополагающих при исследовании причин внутренней нестабильности германского государства периода вильгельминизма. При этом вывод, который делался дипломатами, был обусловлен скорее характером политического режима Российской империи, чем внутриполитическими реалиями Германии. Причинами высокой популярности и широчайшей электоральной поддержки СДПГ дипломаты считали парламентский режим, являющийся помехой для проведения монархом политики в интересах всего государства, а главными факторами, мешающими императору одержать победу над «партиями переворота», — деятельность либеральных политических партий, которые требовали безусловного соблюдения свобод, прописанных в конституции 1871 г., и недопущения введения исключительных законов и других мер чрезвычайного характера.

Ключевые слова: Архив внешней политики Российской империи, посольство в Берлине, Германская империя, внутренняя политика, социалистическое движение, Социал-демократическая партия Германии, П.А. Шувалов, А.Б. Лобанов-Ростовский, Н.Д. Остен-Сакен, дипломаты, дипломатические представительства.

A.G. Matveeva**Embassy of the Russian Empire in Berlin on the Socialist Movement in Germany in 1890–1898***Anna Matveeva, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).**E-mail: annagmatveeva@yandex.ru**Researcher ID: AAS-6783-2020;**ORCID: 0000-0003-3870-732X*

Abstract. The study focuses on assessing the representativeness and relevance of diplomatic documents for the study of key aspects of German domestic politics. Three issues are central to the analysis of the documents from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire: the completeness of the indicated sources for understanding the factors of the German Empire's inner policy; the assessment of the subjectivity of the author of diplomatic dispatches, i.e. how much the ambassador's personality determined the content of the dispatches that he sent to the ministry; the relevance of highlighting key issues of internal life in Germany from the point of view of Russian diplomats. Among constantly present in the messages, the most important was the problem of the socialist movement and the Social-Democratic Party's activities. The socialists were mentioned for significant reasons: the repeal of the Law against the Socialists, the Berlin Conference on the Labour Protection (1890), elections to the Reichstag (1893, 1898), the Reichstag votes on issues important for Russia. The measures of counteraction to the socialists, discussed by the emperor and the government, also aroused interest. The study of archival documents (1890–1898) allows the author to draw the following conclusions. The dispatches adequately reflect the main trends in the socialist movement and the tactics of the SPD, therefore they can be used to study many internal problems faced by Germany in the course of its political evolution. The development of the social-democratic movement was rightly interpreted by Russian diplomats as one of the fundamental reasons for the internal instability of the German state during the reign of Wilhelm II. At the same time, the conclusion drawn by the diplomats can be primarily explained by the Russian imperial regime and its substantial characteristics, rather than the political realities within Germany itself. They considered parliamentarism, limiting the monarch's actions (the state interests), to be the main reason for the high popularity and the broadest electoral support of the SPD. The key factor preventing the monarch from defeating the "coup parties" was defined as the activities of liberal political parties, which demanded the unconditional observance of the freedoms prescribed in the Constitution of 1871, as well as the prevention of the introduction of Exceptional Laws and other measures of an extraordinary nature.

Keywords: Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, the embassy in Berlin, German Empire, domestic policy, the socialist movement, Social Democratic Party of Germany, P.A. Shuvalov, A.B. Lobanov-Rostovsky, N.D. Osten-Sacken, diplomats, diplomatic missions.

Традиционно архивы Министерства иностранных дел историки привлекают при изучении вопросов двусторонних отношений и внешней политики, мне же кажется достаточно интересным и перспективным использовать их при анализе внутривнутриполитической ситуации и даже шире — государственной системы Германии эпохи «вильгельминизма».

В связи с такой задачей мне представляется важным ответить на несколько основных вопросов, которые помогут оценить, насколько такой источник в принципе репрезентативен. Здесь, во-первых, важно охарактеризовать состав дипломатических миссий, и прежде всего тех, кто писал донесения и депеши в С.-Петербург, — послов и их ближайших сотрудников. Во-вторых, насколько их оценки той или иной ситуации, а в данной статье я останавлиюсь на самых основных проблемах, можно считать объективными, достаточно точно отражающими ситуацию, или же «классовый и национальный» менталитет не позволял «за деревьями увидеть леса».

Работая в берлинском посольстве, российские дипломаты, с одной стороны, были достаточно хорошо осведомлены о положении дел в столице Германии, а с другой — представляли российское государство и на происходящее в Германии смотрели через

«российскую» призму. Какие же вопросы интересовали посольство в самом конце XIX в., что они считали необходимым доводить до сведения Петербурга и насколько содержание и форма депеш зависели от личности их составителя? Среди достаточно широкого круга вопросов, которые представлены на страницах посольских депеш, телеграмм и писем мне бы хотелось выделить один, возникающий постоянно и имеющий важнейшее значение для всей будущности Германской империи, — рост силы и влияния социалистического движения, превращение Социал-демократической партии Германии (СДПГ) в одну из крупнейших партий в рейхстаге.

Интересно, что фактически схожей проблеме посвящена статья советского историка Г.В. Павленко, который писал о сотрудничестве СДПГ и российских социал-демократов как раз на материалах Архива внешней политики Российской империи¹, но рассматривая более длительный период. Никакие иные вопросы внутриполитического развития Германской империи, освещавшиеся в донесениях российских дипломатов, не привлекали сколь-нибудь серьезного внимания отечественных исследователей. Мною было решено рассмотреть именно этот сюжет с тем, чтобы оценить эволюцию взглядов исследователей, что было важно, какие слова и оценки привлекли внимание историка в начале 1970-х годов и что представляется важным для характеристики по сути той же проблемы сегодня.

Хронологические рамки работы — с 1890 по 1898 г. Нижней границей является момент отставки Бисмарка и приход к власти Лео фон Каприви. 1890 г. стал переломным в имперской истории Германии. Уход Бисмарка — не просто отставка государственного деятеля, хоть и занимавшего главный, второй после императора пост в государстве, а начало тектонических изменений, серьезной трансформации системы, созданной в 1870—1871 гг., основные элементы которой были прописаны в имперской конституции, правах и обязанностях основных ветвей власти. Верхней границей стал рубеж 1897—1898 гг. Хотя в это время не произошло ни смены имперского канцлера, ни замены посла, но именно тогда статс-секретарем по иностранным делам Германской империи был назначен Б. Бюлов. Несмотря на то что Х. Гогенлоэ-Шиллингсфюрст продолжал еще три года занимать пост имперского канцлера, де-факто пост первого министра уже отошел к Бюлову, именно он стал формировать политическую повестку, уже в 1897 г. провозгласив лозунг о «месте под солнцем» и взяв курс на «мировую политику».

Вначале мне хотелось бы кратко охарактеризовать глав российской дипломатической миссии в Германии. За тот период, что в Берлине сменилось «2 с половиной» канцлера, в посольстве на Унтер-ден-Линден сменилось «2 с половиной» посла, каждый из которых был не просто профессионалом, но и очень близким к министерству и ко двору представителем высшей аристократии. Почему два с половиной — князь А.Б. Лобанов-Ростовский, назначенный послом в Берлин в 1895 г., доехать до нового места службы просто не успел. Смерть министра иностранных дел Н.К. Гирса заставила его остаться в Петербурге и через некоторое время занять министерский кабинет.

До 1894 г. на протяжении 9 лет послом в Германии был граф Павел Андреевич Шувалов (1830—1908), происходивший из старинного рода Шуваловых, брат руководителя Третьего отделения Петра Андреевича Шувалова, сын обер-камергера графа Андрея Петровича Шувалова (1802—1873) и Фёклы Игнатьевны Валентинович (1801—1873), вдовы известного екатерининского фаворита Платона Зубова. П.А. Шувалов принадлежал к достаточно узкому слою европейской аристократии, близкой как к российскому, так и к германскому двору. В дневниках первого советника, а впоследствии министра иностранных дел России графа В.Н. Ламздорфа мы встречаем многочисленные упоминания тогдашнего посла в Берлине, в частности такой пассаж: «...кайзер Вильгельм лично посетил графа Шувалова и выразил ему, как сообщил наш посол, самые трогательные

¹ Павленко Г.В. К вопросу о русско-германском революционном сотрудничестве (по донесениям российских дипломатических представителей в Германии) // Германская восточная политика в новое и новейшее время. Проблемы истории и историографии. М., 1974. С. 56—72.

чувства»². Министр финансов Российской империи С.Ю. Витте также пишет об особых отношениях Шувалова с потсдамским двором — «граф Шувалов был выдающимся послом, и его в Берлине как старый император Вильгельм, так и молодой император... весьма любили и ценили»³. Достаточно подробная биография Шувалова, написанная с использованием разнообразных справочных дореволюционных и современных изданий⁴, представлена на сайте, посвященном русской армии. Однако подлинного биографа-исследователя эта интересная фигура еще не дождалась.

П.А. Шувалов был женат дважды, причем его первой, рано умершей супругой была княжна Ольга Эсперовна Белосельская-Белозерская, брак с которой приумножил и без того немалое состояние графа. Вот лишь некоторые штрихи к биографии П.А. Шувалова, которые дадут более полное представление о его личности и взглядах. Образование он получил в Пажеском корпусе, участвовал в Венгерском походе 1849 г., в Крымской войне 1853—1856 гг., сопровождал великих князей Михаила и Николая Николаевичей во время путешествия в Крым. В октябре-декабре 1854 г. находился в Севастополе, принимал участие в сражении при Инкермане и других битвах. Во время франко-итальянской войны 1859 г. был военным агентом при Наполеоне III, участвовал в подавлении Польского восстания 1863 г., в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. (в октябре 1877 г. — начальник Дольне-Дубнякского отряда, окружившего Плевну, затем командовал рядом иных частей в сражении под Правецом, в бою при Ташкисене, в наступлении на Филиппополь, вступил в Адрианополь и в Сан-Стефано). Командир лейб-гвардии Семеновского полка (1864—1867 гг.), начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, Шувалов активно участвовал в подготовке и проведении военных реформ 1860—1870-х годов, был членом комиссий для рассмотрения вопроса о перевооружении армии (с 1867 г.), для составления проекта положения об управлении хозяйственной частью в войсках (1871 г.), помощником председателя Главного комитета по устройству и образованию войск (1872—1874 гг.), членом Главного военнопленного комитета (с 1869 г.). Был награжден высочайшими российскими (Св. Георгия, Св. Андрея Первозванного, Св. Владимира и др.) и иностранными орденами.

В 1861 г. он был назначен директором Департамента в Министерстве внутренних дел и принимал активное участие в работах по освобождению крестьян от крепостной зависимости, стал одним из учредителей Сибирского торгового банка (1872 г.).

Весь этот послужной список говорит о Шувалове как о человеке, близком к трону, активном стороннике реформ Александра II, ярко проявившем себя как на военном, так и на гражданском поприще. При императоре Александре III он перешел на дипломатическую службу, заняв 1 апреля 1885 г. один из ключевых дипломатических постов — Чрезвычайного и Полномочного посла при императоре германском, короле прусском и чрезвычайного посланника и полномочного министра при дворах великих герцогств Мекленбург-Шверина и Мекленбург-Стрелица.

Лично Шувалов пользовался расположением не только Вильгельма I и Вильгельма II, как я писала выше, но, что еще более важно, и Александра II, и Александра III. За ним закрепилась слава германофила, он являлся сторонником прочного сближения России с Германией, способствовал заключению в 1887 г. Договора перестраховки, а в 1894 г. — русско-германского торгового соглашения, прекратившего таможенную войну между двумя странами⁵. Насколько же эти успехи можно отнести на счет личных качеств посла, а насколько они зависели от общей дипломатической линии России и были воплощением

² Ламздорф В.Н. Дневник 1894—1896. М., 1991. С. 28.

³ Цит. по: URL: <https://regiment.ru/bio/SH/71.htm> (дата обращения: 07.05.2021).

⁴ Там же.

⁵ Подробнее см.: Матвеева А.Г. Русско-германский торговый договор 1894 г. в контексте «нового курса» германского канцлера Л. фон Каприви // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 11 (85). URL: <https://history.jes.su/s207987840008076-2-1/> (дата обращения: 11.06.2021).

идей, генерируемых в С.-Петербурге? Как можно понять, основываясь на дневниках Ламздорфа, а также пометах на полях посольских депеш, в этот период от личности, собственных взглядов, а главное осведомленности посла, его вхожести в коридоры власти зависело достаточно много. Посол был не только функцией, «винтиком» в дипломатической машине, а членом «элитного клуба» людей, государственных деятелей, принимающих решения. Пребывание в Берлине делало его даже более независимым, отстраненным от петербургской жизни, что было особенно ценно как раз в 1894 г., когда и император, и министр иностранных дел Н.К. Гирс были тяжело больны, сил ни у того, ни у другого вникать во все нюансы дел подчас просто не было. «Государь полностью одобрил мысль о предоставлении ему не целиком, а в виде выдержек донесений наших послов...»⁶ — записал В.Н. Ламздорф в своем дневнике 25 января 1894 г. По поводу состояния министра Ламздорф еще более прям и циничен, передавая обычный вопрос Д.А. Капниста: «Как умирает наш министр?»⁷. В такой обстановке посол мог позволить себе достаточно большую по дипломатическим меркам, конечно, свободу.

После восшествия на престол императора Николая II им было принято решение назначить графа П.А. Шувалова на пост Варшавского генерал-губернатора вместо И.В. Гурко. В среду 7 декабря 1894 г. граф Ламздорф записывает в своем дневнике: «Прибыв в воскресенье, граф в понедельник был принят государем и сразу же после этого явился к министру доложить о его беседе с его величеством, ...воспользовавшись случаем, обратил внимание государя на важность подбора преемника на пост посла в Берлине. В ходе развернувшейся беседы, все время напоминая, что выбор кандидатуры входит в обязанности министра иностранных дел, Шувалов сумел вместе с тем назвать фамилию Муравьева, сославшись при этом на газетные слухи...»⁸. Далее, в качестве приемлемых для Берлина кандидатур на должность нового посла упоминаются следующие — «престарелый граф Константин Пален (?!), бывший министр юстиции, проживающий сейчас в своем курляндском имении; г-н Нелидов из Константинополя; князь Лобанов из Вены»⁹.

Значение графа Шувалова на посольском посту в Берлине и кандидатура его преемника были так важны для обоих императоров, что его отставка удостоилась отдельного упоминания в письме Вильгельма II Николаю II 5 января 1895 г. «Дорогой Ники! Я тебе очень благодарен за объяснения и вполне понимаю побуждения, заставившие тебя принять решение по поводу графа Шувалова. В то же самое время могу тебя уверить, что я глубоко опечален тем, что лишаясь милейшего Павла, бывшего единственным послом в Берлине, с которым я действительно был близок и который был моим “ami intime” (близким другом), насколько вообще негерманец может претендовать на такое звание. Я, несомненно, буду очень сожалеть о нем. Я надеюсь и верю, что лицо, которое ты избереешь его заместителем, будет способно вести дело с той же правдивостью и искренностью, с какой вел его Шувалов; ведь взаимные отношения наших двух стран покоятся на освященных преданием основах, совершенно отличных от тех, на которых зиждутся взаимные отношения с другими нациями, и оказывают сильное влияние на весь мир. ... Если мне также будет разрешено высказать мое желание, то я бы выбрал заместителем, если возможно, Палена, Рихтера или Стааля»¹⁰.

По свидетельству Ламздорфа, обсуждение кандидатуры нового посла продолжалось еще некоторое время, в ходе многократного обмена мнениями между Петербургом и Берлином всплывали имена генерала О.Б. Рихтера и графа Н.Д. Остен-Сакена.

⁶ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 31.

⁷ Там же. С. 32.

⁸ Там же. С. 99.

⁹ Там же.

¹⁰ Переписка Вильгельма II с Николаем II, 1894—1914. М., 2007. С. 264—265.

Все это время поверенным в делах в Германии был Н.В. Чарыков, занимавший с 1893 г. должность советника посольства. Личности этого дипломата, прежде всего благодаря его более поздней деятельности на посту товарища министра иностранных дел и посла в Константинополе, посвящена большая литература¹¹, однако на должность посла в Берлине он не претендовал и его кандидатура в этой связи не рассматривалась. Несомненно, значение Чарыкова в деятельности миссии довольно высоко, но я не могу согласиться с исследователем О.А. Черновым, что Чарыков при «формальном руководстве Н.Д. Остен-Сакена де-факто вел работу дипломатической миссии, снабжая МИД России аналитическими депешами, которые позволяли адекватно оценивать внутреннюю ситуацию в Германии»¹². При Остен-Сакене посол сам «снабжал МИД депешами», а вот зимой-весной 1895 г. после отъезда из Берлина П.А. Шувалова и до назначения нового посла, действительно, все депеши в Петербург были подписаны Чарыковым.

Но вернемся к событиям января-февраля 1895 г. В конце концов, император решил остановиться на Алексее Борисовиче Лобанове-Ростовском, занимавшем до этого пост главы миссии в Вене. Н.К. Гирс поставил в известность А.Б. Лобанова следующей телеграммой: «Поскольку император Вильгельм принял весть о Вашем назначении в Берлин с живым удовлетворением, предупредите об этом императора Франца-Иосифа...»¹³. Биографии А.Б. Лобанова-Ростовского (1824–1896), его взглядам и даже увлечениям (он был страстным библиофилом и признанным экспертом в этой области) посвящена обширная литература, что объясняется тем, что он хоть и недолго, но занимал пост министра иностранных дел Российской империи¹⁴. Алексей Борисович принадлежал к одному из старейших русских родов, ведущих свою родословную от Рюрика. Он воспитывался в Москве, получил хорошее домашнее образование, в 14 лет поступил в Александровский (бывший Царскосельский) лицей, закончив который был принят титулярным советником в министерство иностранных дел (1844 г.). Занимал вначале различные должности в русских миссиях в Париже (с 1847 г.) и в Берлине (с 1850 г.). В 1856 г. во время Крымской войны был направлен с секретной миссией к Наполеону III, вел тайные предварительные переговоры о мире. Затем занял должность советника миссии в Константинополе, в 1859–1863 гг. — чрезвычайный посланник и полномочный министр при Порте Оттоманской¹⁵. В 1863 г. Лобанов вышел в отставку и жил во Франции, продолжая близко интересоваться дипломатическими вопросами и выполняя некоторые неофициальные поручения русского правительства. В 1878 г. в сложнейшей ситуации после окончания русско-турецкой войны он смог быстро установить тесные связи с Портой и добиться подписания Константинопольского мирного договора 1879 г., подтвердившего все статьи Сан-Стефанского договора, не отмененные Берлинским трактатом. В 1879–1882 гг. Лобанов занимал пост посла в Лондоне, с 1882 г. — в Вене, 6 (18) января

¹¹ Арапов Д.Ю. Русский посол в Турции Н.В. Чарыков и его «заклучение» по «мусульманскому вопросу» // Вестник Евразии. 2002. № 2. С. 148–163; Чернов О.А. Н.В. Чарыков и подготовка Второй Гаагской конференции мира // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. Ч. 4. С. 1089–1093; Его же. Н.В. Чарыков в период Боснийского кризиса 1908–1909 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 3. С. 66–70, и др.

¹² Чернов О.А. Н.В. Чарыков и русско-германские отношения конца XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. Ч. 2. С. 377.

¹³ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 112.

¹⁴ Басенко Ю.В. Министр иностранных дел Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1895–1896 гг.) // Международная жизнь. 2002. № 6. С. 106–115; Данилевич Н.В. Князь Лобанов-Ростовский: Судьба и Россия // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4. СПб., 2003. С. 533–551; Ковригина С.И. Дипломат и библиофил Алексей Борисович Лобанов-Ростовский // Книга в пространстве культуры. 2010. № 1 (6). С. 29–32, и др.

¹⁵ Кессельбреннер Г.Л. Кавалер ордена Св. Андрея Первозванного // Кессельбреннер Г.Л. Известные дипломаты России. Министры иностранных Дел Российской Империи / отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2007. С. 309.

1895 г. назначен послом в Берлин, однако фактически не успел приступить к своим обязанностям. 26 февраля того же года он после смерти Н.К. Гирса был назначен министром иностранных дел, но и на этом посту ему пришлось пробыть очень недолго — в августе 1896 г. он скоропостижно скончался, сопровождая Николая II в европейском турне, по дороге из Вены в Киев на станции Шепетовка, недалеко от Ровно.

Князь Лобанов, таким образом, интересен нам не столько как отправитель депеш из Берлина, сколько как их адресат. Интрига с назначением Лобанова также выглядит достаточно интересно. Делами министерства во время обострений болезни Гирса на протяжении нескольких лет занимался товарищ (заместитель) министра Н.П. Шишкин, однако не он был назначен на должность министра, вопреки ожиданиям части чиновников ведомства. Идея о назначении министром Лобанова курсировала в Петербурге уже некоторое время. Еще в 1887 г. государственный секретарь А.А. Половцов записал в своем дневнике: «Уговаривал Владимира Александровича (великого князя. — А.М.) в случае отставки Гирса хлопотать о назначении ему преемником Лобанова, а не Павла Шувалова, который будет слугой Победоносцева»¹⁶.

Посол в Лондоне Е.Е. де Стааль сам отказался от министерского поста, ссылаясь на возраст (73 года), пагубность петербургского климата и ненужную ему ответственность.

После этого отказа, несмотря на то что верительные грамоты на имя Лобанова были уже подписаны императором, и он был готов отправиться в Берлин через Лондон, ходившие слухи о его назначении на пост министра подтвердились 14 февраля, т.е. через три недели после смерти Н.К. Гирса. В переговоры по поводу этого назначения были вовлечены некоторые члены августейшей семьи, дипломатические круги и другие силы, близкие к власти. На вопрос Шишкина, стоит ли предложить пост Лобанову, государь ответил: «Нет, вы просто протелефонируйте ему, что я назначаю его министром иностранных дел»¹⁷. Вначале, однако, он был назначен только управляющим министерством, но уже 6 марта состоялось назначение министром по рекомендации великого князя Михаила Николаевича, имевшего влияние на молодого императора¹⁸.

Назначение Лобанова министром вновь подняло вопрос о замещении должности посла в Берлине. 28 февраля 1895 г. Ламздорф записал в дневнике, что «на утреннем [докладе] было решено назначить графа Остен-Сакена из Мюнхена на пост посла в Берлине, государь поручил Лобанову провести зондаж отношения германского двора к этому назначению при посредстве генерала Вердера. Итак, его величество полностью изменил свое мнение: речь идет о личности с немецкой фамилией, притом о таком человеке, которого ранее государь считал несостоятельным для занятия поста в Берлине. Разве неправильно говорил я моему дорогому покойному министру, что при некоторой доброй воле было нетрудно провести данную кандидатуру, а это избавило бы от всех неурядиц, связанных с временным назначением князя Лобанова в Берлин»¹⁹.

Граф Николай Дмитриевич Остен-Сакен (1831–1912) находился на дипломатической службе с 1880 г., с небольшим перерывом неизменно занимал пост российского чрезвычайного посланника и полномочного министра в Мюнхене и Дармштадте. В 1896 г. вскоре после назначения в Берлин получил чин действительного тайного советника, кавалер всех высших российских орденов вплоть до ордена Андрея Первозванного (1910 г.). Был до своей кончины послом в Берлине и одновременно чрезвычайным посланником и полномочным министром в Мекленбург-Шверине и Мекленбург-Стрелице. К большому сожалению, никаких специальных работ,

¹⁶ Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2-х т. Т. II. 1887–1892. М., 2005. С. 48–49.

¹⁷ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 149.

¹⁸ Кессельбреннер Г.Л. Указ. соч. С. 320.

¹⁹ Ламздорф В.Н. Указ. соч. С. 164.

посвященных жизни и деятельности Н.Д. Остен-Сакена нет, эта достаточно крупная фигура российского дипломата еще ждет своего исследователя.

Все вышеперечисленные российские дипломаты, будучи очень разными людьми, обладали некоторыми общими чертами — принадлежали к высшему, близкому ко двору кругу аристократии, обладали крупными личными состояниями, что позволяло не только жить на широкую ногу, но и накладывало серьезный отпечаток на их личные и политические взгляды.

В рамках данной статьи я постараюсь, насколько возможно подробно, остановиться только на одной, но при этом важнейшей теме внутривнутриполитического развития Германии в этот период и ее оценке российскими представителями. Отмена Исключительного закона против социалистов вывела социал-демократические организации из полулегальной сферы (парламентская деятельность СДПГ была разрешена и до 1890 г.) полностью в публичное пространство. Это касалось не только социалистических организаций и клубов, но и прессы — прежде всего ее центрального органа газеты «Vorwärts». Депеши российского посольства уже использовались, как было упомянуто выше, отечественным исследователем Г.В. Павленко для изучения социал-демократического движения, однако угол зрения, под которым они рассматривались им в 1974 г., был обусловлен господствующей в марксистской историографии идей о тесном сотрудничестве и единстве мирового социалистического движения и тем, что немецкие и российские власти выступали единым фронтом в борьбе с рабочим движением, причем российские социалисты находились в авангарде мирового социалистического движения: «Германский пролетариат классовым чутьем понимал, что борьба русского рабочего класса является частью его собственной борьбы». Он требовал от руководства партии разговаривать и в Германии с господствующими классами «русским языком»²⁰.

Последовательное знакомство с депешами нашего посольства дает мне основания для несколько иного взгляда на проблему. Хотя нельзя не согласиться с советской историографией в том, что проблема социалистов была одной из основных во внутривнутриполитической ситуации в Германии и именно так трактовалась российскими дипломатами, однако рабочий вопрос рассматривался более широко, в том числе и в связи с разработкой законодательства и создания системы социального страхования рабочих, что уже совершенно не интересовало советских исследователей истории рабочего движения.

Для упоминания той или иной темы в депешах, а также аналитических рассуждений, необходим был значимый «информационный повод». Таким поводом для широкого освещения в дипломатической переписке вопроса о социальном страховании стала Международная конференция по охране труда, состоявшаяся в Берлине в марте 1890 г. В связи с кругом обсуждаемых тем депеши российского посольства содержат подробные отчеты по вопросам роли государства в этой системе, а также связанной с этим проблемы социал-демократии и ее пропаганды.

Позиция российской стороны была достаточно скептической, а во многом и противоречивой. Самый большой скептицизм при этом вызывал сам факт переговоров между рабочими и работодателями и декларирование создания комитетов из тех и других для обсуждения возникающих проблем: «Учреждение ... подобных комитетов, действительно, могло бы принести большую пользу, но, вероятно, оно натолкнется снова на оппозицию со стороны горнозаводчиков, которые уже в прошлом году отказали в этом требовании рабочим, несмотря на то что комиссары, которым было поручено следствие о причинах майских стачек, рекомендовали эту меру, как самую целесообразную для устранения стачек. По убеждению этих комиссаров, главная причина майских стачек заключалась в недостатке общения между работодателями и рабочими. И действительно,

²⁰ Павленко Г.В. Указ. соч. С. 70.

следствие показало, что горнозаводчики часто не знали о злоупотреблениях, которые вызвали справедливые жалобы рабочих»²¹.

Наибольшие опасения российская сторона высказывала по поводу того, что данная конференция становится прецедентом, — «теперь есть опасение, чтобы каждое нарушение общественного спокойствия не вело сразу же к победе нарушителей этого спокойствия». Интересно, что, с одной стороны, выражаются опасения, что подобные конференции могут провоцировать рабочих на стачки с целью добиться улучшения своего положения, а с другой — говорится о скромности ее результатов, о том, что в Германии и так уже все цели достигнуты и именно поэтому конференция бессмысленна: «Мы видим, что Германии остается сделать немного, чтобы поставить свое фабричное законодательство на равное с пожеланиями конференции. Но удовлетворяют ли эти облегчения германских рабочих и заставят ли их отказаться от своих требований? Ответом на этот вопрос могут отчасти служить не прекращающиеся до сих пор стачки»²².

Российская сторона, стараясь объяснить собственный отказ от участия в данной конференции, высказывает опасения, что вопрос, как отзовутся «пожелания конференции в других странах, принимавших участие в решениях конференции», остается открытым. «В тех из них, где рабочие не пользуются до сих пор по той или иной причине облегчениями, выраженными в пожеланиях конференции, не будет ли произведено рабочими давления на правительство, чтобы добиться равноправности со своими германскими сотоварищами и не послужит ли это давление причиной экономических затруднений. Если таково будет влияние конференции на некоторые европейские промышленные страны, то они пожелают, пожалуй, что поспешили принять приглашение германского императора»²³. Особый интерес вызывает помета на полях письма, видимо, принадлежащая императору Александру III: «Жалкий результат конференции. — Впрочем, ничего другого и не ожидали!».

По окончании конференции вопрос социального законодательства больше не возникал на страницах дипломатических донесений. То есть идея разработки социального законодательства по образу и подобию существующей в Германии системы осталась чужда российской стороне и не побудила ее приступить к выработке собственной.

Деятельность СДПГ упоминается в отчетах в Петербург в определенных ситуациях. Во-первых, при анализе результатов выборов в рейхстаг в 1893 и в 1898 гг. Во-вторых, при голосованиях опять-таки в рейхстаге по важным, затрагивающим интересы России вопросам, например военному законопроекту. В-третьих, в связи с распространением социалистической пропаганды и, в-четвертых, при обсуждении императором и правительством мер по противодействию социалистам. Тон, который превалирует в сообщениях, почти всегда враждебно-охранительный, что совершенно закономерно и понятно.

Российская сторона неизменно видит корень неудач правительства в борьбе с социал-демократией и даже саму причину ее появления и роста влияния прежде всего в парламентской форме правления — «никогда парламент не соглашался дать правительству неограниченной свободы действий для борьбы с революцией. Буржуазные партии отказывались видеть угрожающую им же самим опасность! Либерализм затемнил их рассудок. Вызванный террористическими приемами борьбы известной части социал-демократической партии, закон о социалистах был наконец принят парламентским большинством. Если бы тотчас по издании этого закона... правительство было снабжено полномочиями, необходимыми для успешной борьбы с заразой, то, по всей вероятности,

²¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1890 г. Д. 16. Л. 60. Записка статского советника Д.В. Казаринова на имя товарища министра иностранных дел А.Е. Влангали.

²² Там же. Л. 62.

²³ Там же. Л. 63.

социал-демократическая партия была бы если не совсем раздавлена, то по крайней мере обезврежена на многие десятки лет»²⁴.

«Страшным пугалом для революционной партии представляется возможность соединения всех государственных партий порядка, без различия их политических убеждений, для отражения, вкупе с правительством, грозящей общественному строю опасности. К несчастью, мы этого до сих пор не видим»²⁵. То есть, будучи заслоном на пути борьбы с социализмом, парламентская система может стать и опорой охранительного движения при консолидированной позиции всех ее партий. Однако достижение такого консенсуса не представляется российским наблюдателям возможным.

«Либералы всех оттенков всегда противились исключительным мерам, направленным для обуздания социал-демократов, по почину князя Бисмарка. Гениальный ум бывшего имперского канцлера уже давно постиг ужасную, медленно надвигающуюся угрозу революции. Князь Бисмарк готов был соединиться со всеми своими врагами для отпора социал-демократического натиска. С одной стороны, он готовил ряд социальных реформ, с другой — пытался обуздать ярость и недобросовестность революционных агитаторов. Но в этой и без того тяжелой борьбе имперский канцлер был связан по рукам и по ногам пресловутым парламентским режимом. Поймут ли наконец опасность остальные политические партии? Это кажется ныне сомнительным. А в ту минуту, когда они почувствуют, что им грозит истребление, когда само правительство уразумеет, что его уступки лишь умиляют его естественных врагов, то не слишком ли будет уже поздно?»²⁶.

Российское посольство, снова и снова возвращаясь к оценке роли социал-демократии и анализируя различные направления внутри социалистического движения, приходит к выводу, что «направление, выражающееся в образе мыслей значительного большинства, имеет исключительно социально-экономический характер и признает нужным до поры до времени действовать мирными способами. ... Оно тем более угрожает существующему общественному строю, чем менее прибегает к насильственным мерам и чем постепеннее оно распространяется по всем областям империи, мало по малу заражая не только городское и фабричное население, но также проникая в войско и в крестьянские семьи»²⁷. Именно этот опыт пропагандистской деятельности среди негородского населения видится российской стороне, основное население которой продолжает быть крестьянским, самым угрожающим. Не меньшее волнение вызывают и успехи социал-демократов в польских землях. В депеше на имя товарища министра Н.П. Шишкина осенью 1891 г., специально посвященной польско-немецким отношениям в Пруссии, граф Шувалов отдельно касается крестьянского вопроса: «Можно без преувеличения сказать, что вся будущность современной Германии зависит от решения вопроса: удастся или нет создать прочный и здоровый крестьянский класс, ...удастся ли, заглаживая грехи и ошибки прошлого, дать прочную оседлость тому многочисленному сельскому пролетариату, существование которого, особенно в виду социал-демократической агитации, распространяющейся в селах, является грозной опасностью для современного государственного строя»²⁸.

В апреле 1891 г. сотрудником посольства камер-юнкером Львовым была составлена записка, специально посвященная развитию социал-демократии в Германии и содержащая попытку объяснения распространения социалистических идей религиозным и нравственным упадком европейского общества: «Истоив последний запас духовных сил романогерманских народов, социализм грозит довести их до полного нравственного и политического падения. Протестантство, допустив рассуждения в деле веры, тем

²⁴ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1891 г. Д. 16. Депеша от 14[26] февраля 1891. Л. 112.

²⁵ Там же. Л. 110.

²⁶ Там же. Л. 109–111.

²⁷ Там же. Л. 98–99.

²⁸ Там же. Депеша от 30 сентября [13 октября] 1891. Л. 279.

самым потрясло основы религии, прямым последствием чего было постепенное развитие материалистического учения. Конституционное движение и парламентаризм, как продукты революции, подорвали авторитет власти, укрепили продажность, как основу избирательной агитации, породили нестерпимую тиранию немногочисленных говорунов и нанесли новый удар нравственным силам Европы, отняв у нее последние иллюзии гражданской свободы, стойкости убеждений и честности. Если парламентский режим подрывает политическое могущество Европы, то социалистическое движение подкапывается под экономический и вообще весь строй современного государства, оно имеет своим прямым последствием — анархию, а следовательно, и полное разложение всего того, что принято называть западно-европейской культурой. ... социализм... вылился в такие или другие формы, прибегая к образу действия, наиболее соответствующему народному характеру и живучести его силы. В склонном к умственной дисциплине немецком племени, искони обнаруживавшем глубину и зрелость суждений, социализму выпало на долю выработать научно-философские и практические основы, образовать свою мастерски вышколенную, подчиненную беспрекословной дисциплине партию»²⁹.

В этой записке, на полях которой министр иностранных дел Н.К. Гирс начертал: «Составленные Львовым записки делают ему честь и видно, что он занимается», содержит и оценку состояния дел в России, которая, по мнению наших дипломатов, находится в полной безопасности, ее общественному и государственному строю ничего не угрожает: «Одна Россия может спокойно и без страха за будущее глядеть на разыгрывающуюся на Западе драму. Основанная на иных началах, одухотворенная непоколебимой верой, полная человечности и покорная велениям самодержавной власти — наша родина не знала ослепительной суетной мудрости европейской, а потому не узнает и его (Запада. — А.М.) горького падения. На иных прочных фундаментах покоится духовно-государственное здание, иные высшие задачи суждены ей провидением. А до той минуты доколе не призвал еще Господь Россию к осуществлению ее исторического призвания, дотоле предстоит ей быть смиренной свидетельницей того, что ожидает народы, лишившиеся света истины Христовой и вкусившие древа познания и зла»³⁰.

Идея о нравственно-духовных причинах распространения социалистических идей неоднократно встречается в донесениях из Берлина. Новым поводом возвращения к вопросу о социал-демократической опасности стала публикация в ноябре 1893 г. в органе СДПГ газете «Vorwärts» секретной инструкции министра-президента Пруссии графа Б. цу Эйленбурга по борьбе с социал-демократией в связи с внеочередными выборами в рейхстаг. «Гр. Эйленбург указывает на 25% прирост социал-демократической партии со времени выборов 1890 г. и на факт, что партия эта приобрела голоса в таких округах, где до сих пор приверженцев социализма не имела, особенно в селах. По вполне справедливому заключению министра-президента революционная партия еще далеко не достигла апогея своего развития, и в будущем ей предстоит все более и более усиливаться.

Своим первым долгом правительство признает необходимость оградить сельское население от заразы социалистической пропаганды, и с этой целью ландграфам предлагается целый ряд административно-экономических мер борьбы со злом. Не в экономике причина, нравственные причины главным образом порождают эту неизлечимую болезнь конца века [в этом месте на полях помета министра — «Это очень верно и одна из главных причин»]. Полное отсутствие религии даже в низших слоях народа / результат рационалистических стремлений протестантства / лаицизация начальной школы, распушенность печати, потребность роскоши и материальных наслаждений без удержу нравственных начал, все более и более растущий класс полуобразованного пролетариата, совокупность и тех и многих иных явлений западно-европейской жизни [в этом

²⁹ АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия. Оп. 470. 1891 г. Д. 16. Л. 163—166.

³⁰ Там же. Л. 189—190.

месте на полях помета министра — «И эту мерзость и заразу хотят привить России, наши господа либералы “космополиты”!»], смею полагать, берет перевес над чисто экономическими причинами в столь быстром развитии современного социализма»³¹.

В 1894—1896 гг. вопрос социалистического движения возникал в донесениях российского посла исключительно в связи с голосованиями в рейхстаге по тому или иному законопроекту и всегда в контексте противостояния с аграрно-консервативными силами. В мае 1897 г. в связи с публикацией в «Kölnische Zeitung» вновь на более серьезном аналитическом уровне встает вопрос, связанный с социалистами. В статье, которая была переслана в С.-Петербург, речь идет о том, что «среди брожения, вызванного неудачными законопроектами о реформе военного судопроизводства и закона о союзах... остается одним из главных факторов неудовольствия — социал-демократическое движение. Его влияние затрагивает все большие слои населения и отражается обострением либеральных течений. Внимание правительства неустанно обращено на социальное зло, но все его старания противиться ему остаются непосильными. Меры, которые могли бы успешно тормозить развитие социализма, неминуемо ограничили бы и политическую свободу умеренных либеральных партий, и в опасении восстановить тем самым против себя уже без того раздраженные народные массы — правительство не решается на подобный смелый шаг. Страх перед социальным движением, по ее (газеты. — А.М.) словам, сильнее революционного зла, которое за последнее время представляется как бы утратившим свой первоначальный угрожающий характер. Одновременно статья намекает на желательность удаления реакционных элементов от кормила правления, вызывающих вечные кризисы и препятствующих оздоровлению государственного организма в собственном Германии либеральном духе»³².

Выводы, к которым приходит посол Остен-Сакен, следующие: «Социалистические деятели продолжают свою подпольную работу, и конечная цель их остается направленной на переворот существующего общественного строя. До сих пор социалисты принципиально воздерживались от подачи голосов при выборах депутатов в прусский ландтаг. 3-х классная выборная система, закрывающая социалистам двери прусского сейма, заставляла их не участвовать в выборах.

Теперь же они намерены не брезговать и этим средством и решили при выборах в будущем году выставить во что бы то ни стало своих кандидатов, и поддерживать представителей либеральных партий. Совершающееся сближение с либеральными фракциями — новейшая тактика демократов и страх правительства перед социальным движением тем более оправдывается, чем нагляднее слияние радикальной партии с интересами либералов и свободомыслящих»³³. То есть не буржуазные партии пришли к единению для противостояния «партии переворота», а напротив, социалисты начали меняться, сближаясь с другими, менее радикальными левыми партиями для расширения электората и соответственно сферы влияния, прежде всего в Пруссии. Не вдаваясь здесь в историю СДПГ, распространения в ее рядах «ревизионизма» и всяческих иных «уклонов», а конец XIX — начало XX в. в истории германской социал-демократии традиционно характеризовался как период кризиса³⁴, могу лишь констатировать, что применение более гибкой тактики при сохранении, «несмотря на разногласие господствующих в недрах социалистической партии мнений, ...общей дисциплины, допускающей свободное

³¹ Там же. 1893 г. Д. 17. Депеша № 97 от 18/30 ноября 1893 г. Л. 282—284.

³² Там же. 1897 г. Д. 21. Депеша № 32 от 30 мая /11 июня 1897. Л. 126—127.

³³ Там же. Л. 128.

³⁴ См., например: *Wachenheim H.* Die deutsche Arbeiterbewegung 1844 bis 1914. Fr. am Main, 1971. S. 307—314; *Kupfer T.* Geheime Zirkel und Parteivereine. Die Organisation der deutschen Sozialdemokratie zwischen Sozialistengesetz und Jahrhundertwende. Essen, 2003; *Овчаренко Н.Е.* Кризис в германской социал-демократии в начале XX в. (К вопросу о возникновении трех течений в СДПГ) // Ежегодник германской истории. 1972. М., 1973. С. 96—104.

изъявление суждений, но примиряющей вместе с тем противоречия подчиняемыми конечным целям компромиссами»³⁵, стало одним из факторов ее превращения к 1912 г. в крупнейшую партию в стране.

В 1898 г. в Германии прошли новые выборы в рейхстаг, впервые предыдущий состав парламента смог проработать весь отпущенный ему срок и избежать досрочного роспуска палаты. В начале предвыборной гонки российские дипломаты оценивали шансы СДПГ на увеличение ее представительства в парламенте не очень высоко: «Утопии, ими проповедуемые, утратили прелесть новизны для общества, все более и более склонного к преследованию практических интересов»³⁶. Отправляя в Санкт-Петербург отчет о прошедших в июне выборах в рейхстаг, посол Н.Д. Остен-Сакен обращал также внимание на то, что либеральным партиям (Свободомыслящих и Национал-либералов) удалось договориться и при перебаллотировках выступить единым фронтом, что помешало СДПГ еще больше увеличить свое представительство. Хотя это является и достаточно слабым утешением для правительства, так как СДПГ, сравнявшись по количеству мест с консерваторами, разделила с ними второе место по количеству мандатов («социалисты, хоть и не достигшие ожидаемых результатов, но являющиеся второю по числу голов партий в империи»³⁷).

В октябре 1898 г. Остен-Сакен направил товарищу министра В.Н. Ламздорфу большую аналитическую записку, касающуюся Гагской конференции по разоружению и текущего положения дел внутри социал-демократического движения, в которой, в частности, вновь говорится о переходе партии к более гибкой тактике: «Чувствуется... умение германской социал-демократии согласоваться с данными условиями, не теряя из виду преследуемых задач. ... Проводя умеренность, германская революционная партия смягчает теперь свою пропаганду и привлекает в свои сети все большие массы интеллигенции. Но она далеко еще не обезоружилась. Солидарность и дисциплина остаются опаснейшим оружием немецкой социал-демократии, даже при нынешнем, менее вызывающем ее виде»³⁸.

Итак, из всего вышесказанного можно сделать несколько основных выводов. Во-первых, депеши из посольства в Берлине, отложившиеся в фондах Архива внешней политики Российской империи, являются вполне репрезентативным источником для изучения внутривнутриполитического развития Германии в данный период в силу хорошей осведомленности наших дипломатов, их высокой квалификации и приближенности к высшим властным эшелонам Германской империи. Во-вторых, вопрос развития социал-демократического движения по праву трактовался нашими представителями как одна из основных в совокупности проблем существования и внутренней стабильности германского государства. В-третьих, причинами высокой популярности и широчайшей электоральной поддержки СДПГ они считали парламентский режим, являющийся помехой для проведения монархом политики в интересах всего государства, так как только император, стоящий над всеми партийными распрями и популистскими лозунгами, способен знать и понимать подлинные государственные задачи. Поэтому самодержавная Россия находится вне «зоны опасности», ей не грозит появление сильной социалистической партии. Причем такие оценки особенно показательны, так как относятся к периоду институционального оформления Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). То есть процессы, протекающие в Германии, были нашим дипломатам более понятны и известны, чем ситуация на Родине.

³⁵ АВПРИ. Ф. 133. Оп. 470. 1898 г. Д. 17. Депеша № 62 от 2/14 октября 1898. Л. 187.

³⁶ Там же. Депеша № 15 от 6/19 марта 1898. Л. 50.

³⁷ Там же. Депеша № 42 от 24 июня / 6 июля 1898. Л. 127.

³⁸ Там же. Депеша № 62 от 2/14 октября 1898. Л. 187–188.

Библиография

- Арапов Д.Ю.* Русский посол в Турции Н.В. Чарыков и его «заключение» по «мусульманскому вопросу» // Вестник Евразии. 2002. № 2. С. 148–163.
- Басенко Ю.В.* Министр иностранных дел Алексей Борисович Лобанов-Ростовский (1895–1896 гг.) // Международная жизнь. 2002. № 6. С. 106–115.
- Данилевич Н.В.* Князь Лобанов-Ростовский: Судьба и Россия // Культурное наследие Российского государства. Вып. 4. СПб., 2003. С. 533–551.
- Дударев В.С.* Внешняя политика Германии накануне Первой мировой войны // Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Mitteilungen der Gemeinsamen Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen. Т. 7. Берлин – Бостон, 2017. С. 22–31.
- Ещин В.А.* Германская социал-демократия и экспансионистская политика германского империализма (1897–1905). М., 1985.
- Жукова А.Е., Сидненко Т.И., Шайдунов В.Н.* Личный состав Министерства иностранных дел Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. и повседневная жизнь его сотрудников (историографический обзор) // Клио. 2019. № 11 (155). С. 48–54.
- Кессельбрэннер Г.Л.* Известные дипломаты России. Министры иностранных Дел Российской Империи / отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2007.
- Ковригина С.И.* Дипломат и библиофил Алексей Борисович Лобанов-Ростовский // Книга в пространстве культуры. 2010. № 1 (6). С. 29–32.
- Ламздорф В.Н.* Дневник 1894–1896. М., 1991.
- Матвеева А.Г.* Русско-германский торговый договор 1894 г. в контексте «нового курса» германского канцлера Л. фон Каприви // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 11 (85). URL: <https://history.jes.su/s207987840008076-2-1/> (дата обращения: 11.06.2021).
- Овчаренко Н.Е.* Кризис в германской социал-демократии в начале XX в. (К вопросу о возникновении трех течений в СДПГ) // Ежегодник германской истории. 1972. М., 1973. С. 96–104.
- Павленко Г.В.* К вопросу о русско-германском революционном сотрудничестве (по донесениям российских дипломатических представителей в Германии) // Германская восточная политика в новое и новейшее время. М., 1974. С. 56–72.
- Переписка Вильгельма II с Николаем II, 1894–1914.* М., 2007.
- Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря: в 2-х т. Т. II. 1887–1892. М., 2005.
- Чернов О.А.* Н.В. Чарыков и подготовка Второй Гаагской конференции мира // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. Ч. 4. С. 1089–1093.
- Чернов О.А.* Н.В. Чарыков и русско-германские отношения конца XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. Ч. 2. С. 374–377.
- Юршин А.А.* Колониальный вопрос и милитаризм в оценках германской социал-демократии (1890–1914 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2012.
- Kupfer T.* Geheime Zirkel und Parteivereine. Die Organisation der deutschen Sozialdemokratie zwischen Sozialistengesetz und Jahrhundertwende. Essen, 2003.
- Wachenheim H.* Die deutsche Arbeiterbewegung 1844 bis 1914. Fr. am Main, 1971.

References

- Arapov D. Yu.* Russkij posol v Turcii N.V. Charykov i ego “zaklyuchenie” po “musul'manskomu vo-prosu” [Russian ambassador to Turkey N.V. Charykov and his “conclusion” on the “muslim question”] // Vestnik Evrazii [Vestnik Evrazii]. 2002. № 2. S. 148–163. (In Russ.)
- Basenko Yu. V.* Ministr inostrannyh del Aleksey Borisovich Lobanov-Rostovskij (1895–1896 gg.) [Minister of foreign affairs Alexey Borisovich Lobanov-Rostovsky (1895–1896)] // Mezhdunarodnaya zhizn' [International life]. 2002. № 6. S. 106–115. (In Russ.)
- Chernov O. A.* N.V. Charykov i podgotovka Vtoroj Gaagskoj konferencii mira [N.V. Charykov and the preparation of the Second Hague Conference of the World] // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.G. Belinskogo [Izvestiya Penza State Pedagogical University named after V.G. Belinsky]. 2012. № 27. P. 4. S. 1089–1093. (In Russ.)
- Chernov O. A.* N.V. Charykov i russko-germanskie otnosheniya konca XIX veka [N.V. Charykov and Russian-German relations of the end of the 19th century] // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra

Rossijskoj akademii nauk [Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2011. T. 13. № 3. P. 2. S. 374–377. (In Russ.)

Danilevich N.V. Knyaz' Lobanov-Rostovskij: Sud'ba i Rossiya [Prince Lobanov-Rostov: destiny and Russian state] // Kul'turnoe nasledie Rossijskogo gosudarstva [Cultural heritage of the Russian state]. Vyp. 4. Sankt-Peterburg, 2003. S. 533–551. (In Russ.)

Dudarev V.S. Vneshnyaya politika Germanii nakanune Pervoj mirovoj vojny [German foreign policy on the eve of the First World War] // Soobshcheniya Sovmestnoj komissii po izucheniyu novejshej istorii rossijsko-germanskikh otnoshenij [Reports of the joint commission for the study of the recent history of russian-german relations]. Mitteilungen der Gemeinsamen Kommission für die Erforschung der jungeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen. Vol. 7. Berlin – Boston, 2017. S. 22–31. (In Russ.)

Eshchin V.A. Germanskaya social-demokratiya i ekspansionistskaya politika germanskogo imperializma (1897–1905) [German social democracy and the expansionist policy of german imperialism (1897–1905)]. Moskva, 1985. (In Russ.)

Kesselbrenner G.L. Izvestnye diplomaty Rossii. Ministry inostrannyh Del Rossijskoj Imperii / otv. Red. A.V. Torkunov [Famous diplomats of Russia. Ministers of foreign affairs of the Russian Empire / ed. A.V. Torkunov]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Kovrigina S.I. Diplomat i bibliofil Aleksej Borisovich Lobanov-Rostovskij [Diplomat and bibliophile Alexey Borisovich Lobanov-Rostovsky] // Kniga v prostranstve kul'tury [Book in the space of culture]. 2010. Vyp.1 (6). S. 29–32.

Lamsdorf V.N. Dnevnik 1894–1896 [Dnevnik 1894–1896]. Moskva, 1991. (In Russ.)

Matveeva A.G. Russko-germanskij torgovyj dogovor 1894 g. v kontekste “novogo kursa” germanskogo kanclera L. fon Kaprivi [Russian-German trade agreement of 1894 in the context of the “New deal” of the German Chancellor L. von Caprivi] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2019. T. 10. Vyp. 11 (85). URL: <https://history.jes.su/s207987840008076-2-1/> (access date: 11.06.2021). (In Russ.)

Ovcharenko N.E. Krizis v germanskoj social-demokratii v nachale XX v. (K voprosu o vznikenii trekh techenij v SDPG) [The crisis in German social democracy at the beginning of the 20th century (On the question of the emergence of three trends in the SPD)] // Ezhegodnik germanskoj istorii. 1972 [Yearbook of German History. 1972]. Moskva, 1973. S. 96–104. (In Russ.)

Pavlenko G.V. K voprosu o russko-germanskoj revolyucionnom sotrudnichestve (po doneseniya rossijskikh diplomaticheskikh predstavitelej v Germanii) [On the question of Russian-German revolutionary cooperation (according to the reports of Russian diplomatic representatives in Germany)] // Germanskaya vostochnaya politika v novoe i novejshee vremya [German Eastern politics in the new and modern times]. Moskva, 1974. S. 56–72. (In Russ.)

Perepiska Vil'gel'ma II s Nikolaem II, 1894–1914 [Correspondence of Wilhelm II with Nicholas II, 1894–1914]. Moskva, 2007. (In Russ.)

Polovcov A.A. Dnevnik gosudarstvennogo sekretarja: v 2-kh t. T. II. 1887–1892 [Diary of the State Secretary: in 2 vols. Vol. II. 1887–1892]. M., 2005. (In Russ.)

Zhukova A.E., Sidnenko T.I., Shaidurov V.N. Lichnyj sostav Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. i povsednevnyaya zhizn' ego sotrudnikov (istoriograficheskij obzor) [Personnel of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries and the daily life of its employees (historiographical review)] // Klio. 2019. № 11 (155). S. 48–54. (In Russ.)

Jurshin A.A. Kolonial'nyj vopros i militarizm v ocenkah germanskoj social-demokratii (1890–1914 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The colonial question and militarism in the assessments of German Social Democracy (1890–1914): autoref. dis. ... candidate of historical sciences]. Voronezh, 2012. (In Russ.)

Kupfer T. Geheime Zirkel und Parteivereine. Die Organisation der deutschen Sozialdemokratie zwischen Sozialistengesetz und Jahrhundertwende. Essen, 2003.

Wachenheim H. Die deutsche Arbeiterbewegung 1844 bis 1914. Fr. am Main, 1971.